

но ваше здоровье для меня дороже не только моего спокойствия, даже ваших собственных желаний.

Агнеса Ростиславовна. Милый... но довольно.

Городищев *(встает)*. Не совсем довольно, Агнеса Ростиславовна, но не смею ослушаться вас *(целует руки ее, лежащие вместе на ногах)*.

Агнеса Ростиславовна. Благодарю вас, милый... поцелуйте меня. *(Городищев благоговейно целует, она только с нежностью держит рыло под поцелуями, сама не двигая губами, а только томно закрывает глаза)*.

Агнеса Ростиславовна. Милый... позовите.

Городищев. Позвольте мне самому и обуть вас.

Агнеса Ростиславовна. Пусть... Надя.

(Городищев становится на колени и обувает, все это под одеялом. Она все держит руки сложенными на ногах).

Агнеса Ростиславовна. Милый, благодарю... поцелуйте меня еще *(поцелуй в прежнем порядке)*. Милый... Теперь, позовите *(закрывает глаза и лежит так)*.

Городищев. Наденька.

(Надя входит и выносит мису, — потом чашку, а между тем Городищев выходит в другую дверь, возвращается, за ним входит Клементьев и Иннокентиев).

4. К ПОВЕСТИ «ВЕЧЕРА У КНЯГИНИ СТАРОБЕЛЬСКОЙ»

а.

Первый день жизни Вязовского у княгини Старобельской

Утром после того вечера, когда Глинский был в первый раз у княгини Старобельской, он, в половине 12-того приехал к ней и велел доложить княгине, что имеет надобность видеться с г. Вязовским и просит у княгини дозволения после того видеть ее. Доложив ей, ему отвечали, что княгиня не может принять его раньше 12 часов, когда будет завтракать, потому что до завтрака она занимается с детьми; что за завтраком она будет рада видеть г. Глинского; к Павлу Сергеевичу проводит его Яков Иванович, который сейчас выйдет в этот зал; и если разговор г. Глинского с Павлом Сергеевичем кончится раньше завтрака, то княгиня просит его подождать в библиотеке.

Вышел Яков Иванович, повел Глинского к Вязовскому и по пути рассказал, что он и его племянник Алеша слышали и видели в своих наблюдениях, не нужны ли их услуги Павлу Сергеевичу.

Алеша, пятнадцатилетний мальчик, брат Наташи, годом моложе, прислуживал под надзором матери, дяди и старшей сестры, Володе; но вчера, перед отъездом княгини к Вязовскому, ему было сказано, что он будет прислуживать гостю, которого привезет княгиня, а этот гость встает в 6 часов; и хотя завтра будет спать, по всей вероятности, гораздо дольше, но — кто ж его знает, может быть встанет и в обыкновенное свое время; потому Алеша должен в 6 часов идти в зал перед его комнатами и сидеть там. Алеша немедленно занялся приготовлением своих уроков — отец и дядя учат его — и, как приготовил их, лег спать.

— Проснувшись в 5 часов и наскоро напившись чаю, Алеша пошел ждать, когда понадобятся его услуги Павлу Сергеевичу, — рассказывал Яков Иванович: — Он мальчик любознательный, ему хотелось поскорее увидеть такого ученого человека, каких мало на свете, и он очень жалел, что не мог видеть его вчера. — Взяв с собой книгу, он сел и читал в зале перед комнатами Павла Сергеевича. Дверь в первую комнату была притворена неплотно, как оставил я ее, уходя; Алеше было видно, что лампа продолжает светить там полным своим светом; он думал, что Павел Сергеевич не лег спать; пришлось не спать до 4 часов, то Павел Сергеевич и рассудил, что не стоит ложиться, при его привычке вставать в 6 часов, сидит и читает или пишет. Но скоро Алеша заметил, что это не так: в комнате не было ни малейшего шо-

роха. Он рассудил: Павел Сергеевич сел работать, и уснул, повалившись головой на стол; а лампа, быть может вовсе близко на столе; повернет он руку во сне, может опрокинуть ее, надобно посмотреть, не следует ли отодвинуть ее, чтоб не вышло беды; — умный мальчик, Алеша. — Он подошел, заглянул в непритворенную дверь, видит: Павел Сергеевич спит на кресле далеко от стола, на котором лампа. — Вся та комната устлана толстым ковром (да и другая, сделанная спальною для Павла Сергеевича, тоже). Притом Алеше было сказано, что Павел Сергеевич не легко пробуждается от шума даже, не то что от легкого шороха: его хозяйка убирает комнату его, пока он спит, и никогда не случалось, чтоб он проснулся, хоть она иной раз и уронит стул. Не утерпел мой Алеша: вошел в комнату, поближе посмотреть на ученого, каких мало на свете; подошел вовсе близко, смотрит; и вдруг чувствует: сейчас кашлянет; хотел отойти, не успел: кашлянул, и довольно громко; ничего: Павел Сергеевич не проснулся, не пошевелился. Однако поспешил Алеша уйти, чтоб не кашлянуть еще подле Павла Сергеевича. Кашлянул раза два в зале, прошел позыв к кашлю. Алеша сел и стал читать; читал довольно долго, — вдруг опрокинулось что-то в той комнате; что это, уж не свалился ль с кресла Павел Сергеевич, и опрокинулось кресло. — Алеша пошел посмотреть. Так, кресло опрокинуто; Павел Сергеевич лежит подле на ковре и преспокойно спит. Не проснулся, свалившись; Алеша улыбнулся: таких ученых действительно мало на свете. Алеша ушел опять в зал, сел продолжать читать. — В 8 часов пришел я с чайным прибором, вошли мы с Алешей в ту комнату; Павел Сергеевич лежит попрежнему на ковре, спит. Мы расставили все на столе; самовар со спиртовой грелкой внутри, чтоб не остывал, чайный прибор, кружку с кипяченым молоком, черный хлеб, белый хлеб. Я ушел к другим своим делам, Алеша сел читать в зале. Слышит: встал Павел Сергеевич, открывает чайницу, стучит чайником. Вошел Алеша, говорит: «Здравствуйте Павел Сергеевич; я Алеша, брат Наташи, племянник Якова Ивановича; я буду прислуживать вам». — Павел Сергеевич погладил его по голове: — «Хорошо, Алеша, давайте пить чай вместе». — «Я уж пил, Павел Сергеевич». — «А когда так, то и тем лучше; подружимся после, а теперь уходите, не мешайте мне; я буду думать, какие сказки рассказывать обществу, которое собирается у княгини по четвергам». — Алеша ушел, сел на прежнее место, читал и по временам прислушивался. Когда всякий шорох прекратился, он вошел унести чайный прибор. Павла Сергеевича уж не было в той комнате, дверь в другую была отворена. Алеша не удержался, полюбпытствовал увидеть, уснул ли опять Павел Сергеевич, или не спит; заглянул во вторую комнату. Павел Сергеевич в пальто, как был, и в сапогах, лежал лицом к стене на своем диване, с которого снял белье. Алеша смотрел долго; он не шевелился; Алеша подошел поближе, увидел через спинку дивана, что Павел Сергеевич лежит с закрытыми глазами. — В 10 часов пришел я; по словам Алеши, рассудил, что Павел Сергеевич заснул. В 11 часов я пришел опять; Алеша сказал, что раза два входил в эту комнату, полюбпытствовать, что оба раза видел: Павел Сергеевич лежит в прежнем положении.

Глинский и Яков Иванович вошли в зал, где сидел Алеша. Он сказал, что опять входил в ту комнату; Павел Сергеевич лежал тогда в прежнем положении, и что после того попрежнему не было слышно ни малейшего шороха; потому должно думать, что Павел Сергеевич все еще спит.

— Вам можно подождать до завтрака? — спросил Яков Иванович Глинского: — к завтраку я разбужу его, если не переснется сам.

— Я могу подождать; но мне надобно переговорить с ним наедине; и лучше было бы сделать это до завтрака; иначе, я не мог бы объяснить княгине причину моего посещения.

— А долго вы будете говорить с ним.

— Я имею сказать ему лишь несколько слов; но вероятно, он станет требовать объяснения тому, что я скажу; не знаю, удовлетворится ли он моим объяснением; потому не знаю, в одну ли минуту будет кончен наш разговор или нам придется даже продолжать его после завтрака.

— В таком случае, я разбужу Павла Сергеевича, — сказал Яков Иванович: — Пойдемте к нему.

Они вошли в кабинет. Вязовский лежал в прежнем положении.

— Павел Сергеевич... — начал Яков Иванович тихо; он хотел постепенно возвышать голос; чтобы не испугать Вязовского, прямо заговорив громко. Но при первых звуках, Вязовский открыл глаза, и вставая, сказал полным голосом, каким не говорят просыпающиеся:

— Я не спал Яков Иванович. — А, это вы, Владимир Михайлович. Здравствуйте. Приехали бранить меня за вчерашний выговор вам. Нет, извините: этого не будет; напротив, достанется вам от меня хуже вчерашнего. Вы верили, будто я рассердился тогда на вас за то, что вы вздумали хвалить меня. О, это еще не велика важность. Досада на вас была у меня совсем другая. — Ну, да об этом после. А теперь садитесь, будьте гость.

— Да, ваш новый выговор мне можно отложить на минуту, на две, — сказал Глинский: — я попрошу вас прежде того выслушать, по какому делу я приехал к вам. Но я взгляну, затворена ли дверь из той комнаты в зал. Дело, по которому я приехал, ни мало не секретное; но все-таки лучше быть уверенным, что наш разговор не будет слышен другими.

Глинский пошел в первую комнату, посмотрел, плотно ли затворена дверь в зал.

— Прошу же садиться, Владимир Михайлович, — сказал Вязовский: — мы все-таки будем друзья, хоть вы и теперь сердитесь на меня, а новый мой урок будет для вас обиднее прежнего. — Они сели. — Итак, что скажете мне, Владимир Михайлович.

— Есть предположение, что вы, М-г Вязовский, не намерен ограничиться одним рассказом; справедливо оно?

— Совершенно справедливо. Дело ясное, княгиня скажет мне, чтоб я рассказывал каждый четверг. Светское общество начинает покидать Петербург не раньше начала апреля. До апреля остается 17 четвергов. Вот мой план: восемь рассказов из разных эпох достоверной истории; один вечер — рассказ: «Кормило кормчему»; это хороший рассказ; называется переводом с татарского; начинается так:

«Во дни Абд-Эль-Кадера и маршала Бюжо был в Алжирии, в горах Джурджурских, человек, угодный богу; и было имя ему Махмуд Абу-Джафар Ибн-Мустафа. И жил он в горах Джурджурских с отцом своим Мустафою и сыном своим Джафаром. И был отец его Мустафа старец, исполненный долголетою дней, и занимался богомыслием, земные же дела оставил. И занимались ими сын его Абу-Джафар. —

и так далее. Вы видите, я знаю наизусть. И стоит того, потому что это хороший рассказ. — Вот уж девять вечеров. Три вечера — прозаический перевод персидской поэмы «Эль-Шемс-Эль-Леила-Наме»; прозаический перевод, — прозаический, вот чего жаль. — Итак, двенадцать вечеров. В остальные пять четвергов — пять рассказов, изображающих настоящее положение дел в четырех главных государствах Европы — то есть, в России, Германии, Франции, Англии и в Соединенных Штатах. Вот и все 17 четвергов. Жаль, что их только семнадцать.

6.

Сергей Петрович Полянский не был человеком ученым; но с детства любил читать; и обстоятельства его расположились так счастливо, что с довольно ранней молодости он имел много досуга удовлетворять этой единственной своей страсти.

Сын фельдшера, служившего при больнице в маленьком уездном городе, он, при помощи отца, получившего хорошее школьное образование, приготовился к университетскому экзамену; у него было до двухсот рублей, заработанных уроками. Отец и он рассчитывали, что на эти деньги ему можно будет прожить без больших лишений в ближайшем университетском городе, пока найдутся и там уроки; жизнь в том городе была тогда очень дешева. Но вы-

шло так, что из этих денег понадобилось ему израсходовать лишь небольшую долю, и что поехал он не в ближайший университетский город, а в Петербург.

В нескольких верстах от его родного города находилось огромное село, принадлежавшее вельможе, которого достаточно будет называть по его титулу. Он был граф. На окраине села стоял великолепный дом владельца. В старье времена, граф и графиня иногда приезжали пожить там часть лета. Отец Полянского часто ездил в село, нередко вместе с врачом, своим начальником, но обыкновенно один, за недосугом врача. Потому граф несколько знал его. В один из приездов графа и графини, она занемогла. Отец Полянского во все время болезни графини находился при ней. Графиня умерла. Граф не винил в ее смерти ни врача, ни фельдшера: он знал, что болезнь была неизлечима. Но дом, в котором умерла жена, стал ненавистен ему; он очень любил ее. Тело графини отвезено было в другое, фамильное имение графа. И с той поры граф уж не приезжал в ненавистный ему дом.

Это было лет за двенадцать перед тем временем, как Полянский собирался отправиться в университет.

Управляющий именем графа, пользовавшийся полным его доверием, был расположен к отцу Полянского, и написал графу, что просит его покровительства собирающемуся в университет сыну фельдшера, вероятно, не совершенно забытого им. Пока не получил ответа, молчал о своей просьбе; получив ответ, сам приехал к отцу Полянского и сказал: «Сережа пусть едет в Петербург. Граф будет помогать ему, сколько понадобится». Полянский поехал в Петербург.

Граф занимал тогда одну из тех придворных должностей, которые требуют постоянного личного исполнения. Когда Полянский приехал в Петербург, граф жил там, где находился в это время двор, — в Павловске, или в Царском селе, не умею припомнить; но почти каждое утро бывал в Петербурге. Был и в день приезда Полянского. Он принял юношу ласково, долго говорил с ним, велел ему остаться завтракать; за завтраком рекомендовал его сыну и жене сына; в конце завтрака сказал жене сына: — «Надобно дать ему приют, пока он устроит свои дела. Где мы поместим его? Здесь, я думаю». — Она сказала: «Возьмем его к себе». — И они взяли его к себе на дачу.

Дня через три, молодой граф повел его в комнату, где сидела графиня с сыном, восьмилетним мальчиком; графиня попросила его помогать ей учить сына. — Прошло недели две; дней через пять должны были начаться приемные экзамены в университете. Молодой граф сказал Полянскому: «Мы хотели оставить вас при Володе. Но я получаю назначение состоять при посольстве в Париже. Это не совсем то, чего мы желали. Нам хотелось, чтобы меня послали в Лондон. И мы колебались, принять ли мне назначение в Париж. Решились только ныне. Немножко поздно для Володи: он полюбил вас, и будет плакать». — Полянский сказал: — «Если позволите, я поеду с вами. В университете успею поступить и через год». — Графиня стала благодарить его за любовь к ней и к Володе. Старый граф, улыбнувшись, сказал: — «Я не думал, что Париж может иметь такую привлекательность для такого скромного юноши». — «Вы ошибаетесь, папа, — сказала графиня: — привлекательность Парижа тут ни при чем. Сергей Петрович был бы точно так же рад ехать с нами в самую глухую деревню». — «Будто он так любит тебя и Володю». — «Не то, папа. Он действительно любит нас; но отлагает свое поступление в университет по другому мотиву, более сильному». — «Вот что! — сказал старый граф: — А я и не догадывался. Он рад тому, что не через несколько лет, как предполагал, а теперь же начнет помогать отцу. Я уверен, вы останетесь таким, — прибавил он, обращаясь к Полянскому: — Сколько лет вашим сестрам и брату? Вы говорили, при первом нашем свиданье; но я не припомню с точностью». — «Моей старшей сестре четырнадцать лет, младшей — двенадцать; брату — девять». — «Вероятно, успеете быть полезным и для старшей вашей сестры; наверное, будете полезен для младшей и для брата. Университет не уйдет».

Прошел год. Полянский видел, что молодой граф и графиня довольны им, и отложил свое поступление в университет еще на год; и потом еще на год.

А когда прошло таким образом четыре года, он уж и не думал об университете.

Володя был единственное дитя у графа и графини. Иметь гувернера они не хотели. Потому, кроме времени уроков, Полянский был совершенно свободен. Уроки

В.

Вскоре по приезде в Лондон, благодаря рекомендации графа, сблизился с некоторыми из библиотекарей Британского Музея. Он не писал никакой ученой книги, потому не имел надобности бывать в Музее часто. Но иногда заходил туда; и случалось, что он помогал работавшим над составлением каталогов. К этой работе он годится; заведывавшие ею были его добрые знакомые. Оставшись в Лондоне один, он стал жить ею. Денег ему не было нужно много, потому что обе сестры его были уж замужем, и младшая, вышедшая за богатого человека, содержала брата в университете. Она и ее муж пригласили отца и мать ее жить у них, в одном из больших городов нижнего Поволжья, и не уговорив старика и старуху покинуть родной город, купили им хорошенький домик там. Таким образом, никому, кроме самого Полянского, не были нужны его деньги. А он был человек очень скромных вкусов. И немногих часов работы в день было достаточно для того, чтобы получать столько денег, сколько желал он.

Граф и графиня каждое лето ездили в Россию; потому и Полянский, пока жил у них, бывал в России каждый год. Они, приезжая в Россию, проводили время там, где находился двор, при котором почти безотлучно оставался старший граф, занимавший одну из придворных должностей, не допускающих частого отсутствия. Полянский уезжал пожить с отцом и матерью.

Когда он остался в Лондоне один, поездки его к отцу и матери сделались менее часты. Он и начал с того, что пропустил одно лето; потом пропустил два лета. А после второй поездки прошло четыре года, и он все еще только собирался ехать. Прошло еще лето, и все еще только собирался. Зачем ему было ехать. С отцом и матерью жил младший брат его, сделавшийся врачом и получивший должность в родном городе. — «Я им не нужен, рассуждал сам с собою Полянский, когда приходила ему мысль, что не хорошо он делает, отлагая поездку к отцу и матери, с которыми не виделся уже пять лет: — Разумеется, они любят меня. Но ехать к ним надобно.

Г.

четыре года тому назад, когда муж младшей сестры доставил хорошую должность в своем городе мужу старшей, а брат, сделавшийся врачом, еще оставался в университетском городе, готовил докторскую диссертацию и старикам пришлось жить одним. Но тогда Полянский рассудил, что побывавши у отца и матери лишь за год перед тем, может отложить поездку до следующего лета. А на следующее лето уж не было надобности спешить: брат получил должность в родном городе. Через год было еще меньше надобности ехать: брат женился, отец и мать радовались на любовь сына и новой дочери, оставшихся жить у них. Через полтора года жизнь стала для старика и старухи еще занимательнее: у новой дочки родился сыночек.

Превосходно было все это; так хорошо, как будто делалось собственно по желанию Полянского. Таким образом, через пять лет после своей последней поездки он полагал, что если соберется поехать не дольше, как через два года, то будет удивиться своей поспешности.

Соображение было верное. И вдруг, расстроилось: брат написал, что получил от мужа младшей сестры приглашение на должность директора одной из больниц в том городе, и через месяц уезжает туда. Новость была так неожиданна, что Полянский не раньше, чем через полчаса рассудил: невозможно было не предвидеть этого. — Через месяц, брат уезжает; больше трех недель срока, чтобы приехать в родной город к времени его отъезда. У Полянского было девятнадцать фунтов; этого было несколько мало для поездки, если ехать с тем, чтобы пожить у отца и матери месяца два. Но в три недели можно

заработать столько денег, сколько нужно, если приняться работать как следует. Полянский принялсЯ работать сколько мог. А силы работать было у него столько, что отдыха ему не было нужно, кроме часов сна. — Счастье опять повернулось в его сторону: отец и мать решили проводить уезжавших и пожить на даче у младшей дочери до конца лета. А отъезд брата был назначен в половине мая. Таким образом, благосклонность судьбы к Полянскому дала мыслям стариков направление, доставлявшее ему три с половиной месяца прибавочной отсрочки.

Д.

Он хотел выех[ать] из Л[ондона] по т[а]к[ому] расчету времени, чтобы приех[ать] в родн[ой] город в сам[ый] день возвращения отца и м[атери] туда. Но и этот его расчет расстроился: на письмо, в котором спрашивал, когда отец и мать поедут домой, он получил ответ, что они будут дожидаться его на даче у младшей дочери. Обе сестры, мужья их и брат прибавляли от себя просьбу приехать пожить с ними хоть неделю. Как быть! — В конце августа он приехал в тот большой приволжск[ий] город и ему пришлось прожить на даче у младшей сестры с месяц.

— Долго останешься ты с нами, — спросили его отец и мать по возвращении в родной город.

— Посмотрю, сколько будет можно.

— А тебе надобно скоро вернуться в Лондон?

— Нет, могу и не спешить.

— Но ты скоро соскучишься здесь.

— Не знаю; когда соскучусь, скажу, и вы не станете удерживать меня.

Прошло полгода. Он все не говорил, что соскучился.

— Сережа, не может быть, чтобы ты не соскучился, — говорили отец и мать.

— Если бы соскучился, сказал бы.

— Но как же не соскучишься? — здесь и книг нет, кроме тех, какие ты привез.

— Пока довольно с меня тех, какие привез я.

Пришла весна. Младшая сестра и ее муж приехали взять стариков жить к себе на дачу.

5. ФРАГМЕНТЫ ИЗ НЕИЗВЕСТНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

а.

Очаровательна любимица вечно-весеннего солнца, юго-западная окраина благодатной Катанийской равнины, безопасная от потоков огня Этны, нетронуемая громами ее, неомрачаемая тучами ее, оградой хребтов защищенная и от стужи бурь из земель снежных, и от зноя ураганов из африканских песков; несмущаем тревогами больших городов и шумом больших дорог мирный сельский уголок, где легка работа простых людей, верна и щедра от ласковой матери-природы награда ей: быстрыми чередами, без перерыва целый год, сменяются тут в золоте нив и румянце садов обильные жатвы хлебов, роскошные сборы плодов. И около синих спокойных озер, вдоль по лазуревым тихим рекам, вверх по жемчужным звенящим ручьям вечно свежие, пестрят цветами ковры лугов; неувядаемые зеленеют боскеты миртов по склонам холмов и, краса высокой растительности юга, чинаровые леса по горам.

Счастье человеку севера, счастье труженику миролюбивой науки жить в этой мирной области света и тепла без помех, приволен здесь труд, и полон радости отдых, время полдня: благоухает ароматами лугов освежительный ветерок с вольного моря и наслаждение дышать; солнце греет грудь; от блесков его сияет все кругом, и светлыми мыслями думается обо всем; даже и о дальнем северо-востоке, когда думается о нем.

Мне думается о нем. И часто, и много. Но не мое оно во мне, влечение моих мыслей обращается к нему. С давних лет, с первых лет моей молодости охладело сердце мое к моему краю. Был я мыслями чужой ему, когда еще жил